

С.Г. Кара-Мурза, С.Г. Мусиенко. **Куда идем? Беларусь, Россия, Украина.** М.: ЭКСМО, 2009. 431 с.

Как только возникает критическая ситуация, требующая оптимального выбора – не просто кратчайшего маршрута, а судьбоносного стратегического направления на перспективу, появляется проблема: «Quo vadis?» (лат.), или «Камо грядеши?» (ст.-слав.). Не случайно в нем заключена рефлексивная триада: «Кто мы? Откуда? Куда идем?» Авторы в названии книги оставили последний вопрос, справедливо полагая, что ответы на два первых имеются. «Несмотря на конъюнктурные расхождения и конфликты, – пишут они, – народы наших стран связаны исторической судьбой, общим культурным ядром, взаимопониманием на уровне массового обыденного сознания и тесным переплетением хозяйственных систем» (с. 15). Отсюда и главная задача книги: внести «скромный вклад в освоение опыта друг друга».

Действительно, разве это не парадокс, что братья-славяне в инновационных поисках не только технологий, но и гуманитарных ценностей, образовательных программ (о ТВ и рекламе и говорить нечего), рецептов социальных реформ, даже политических идей, обращаются к кому угодно, но только не друг к другу. Правда, в последнее время кое-что из опыта Беларуси все-таки перенимается, пусть и как-то стеснительно, без ссылок. Тем не менее российские и украинские политики уже спокойно говорят о вертикали власти, о государственном регулировании социального расслоения, занятости и др. Беларусь также ассимилирует опыт соседей, особенно в развитии предпринимательства и некоторых видов услуг, достижений в области культуры и образования и, конечно, технологических инноваций.

Авторы называют книгу **белой**, поскольку в ней представлены фактические сведения, а не мнения и оценки действительности. Нет в ней и прямого ответа на заданный вопрос и даже обсуждения достоинств или недостатков социально-экономических моделей развития, которые «в Беларуси, России и на Украине сильно различаются». Право аргументировать и доказывать предостав-

лено официальной статистике, таблицам и графикам, отражающим тенденции изменений. Как сказал известный английский исследователь П. Спрент, «статистические данные – это числа, которые имеют **смысл**». Вот этот **объективный смысл** и раскрывается в рецензируемой работе на примере отраслей, составляющих основу жизнеобеспечения населения Беларуси, России и Украины. В анализе используются главным образом натуральные показатели, а не расчетно-стоимостные, которые, как отмечается, подвержены влиянию со стороны понятийного аппарата принятой экономической теории, и экспертных оценок. За точку отсчета взяты начало 1990-х гг., когда бывшие советские республики стали самостоятельными суверенными государствами. Каждая из стран пошла своим путем не только в силу наличных возможностей (ресурсы, кадры, международное положение и т. д.), но и под влиянием рекомендаций отечественных и зарубежных аналитиков. То, что удалось избежать гражданской войны или межстрановых разборок, можно отнести к глубокой взаимной эмпатии, основывающейся на единстве христианской веры, опыте совместной учебы, работы, службы и не в последнюю очередь – на миллионах межнациональных браков. Однако цена оказалась весьма высокой. Данные о потерях (человеческих, экономических, культурных), собранные под одной обложкой, вызывают и к исторической памяти, и к более взвешенным оценкам настоящего и планируемого будущего. Историческое время необратимо, но у читателя книги невольно возникает мысль, а нельзя ли было сделать иначе, разумнее, осмотрительнее.

Со времени наибольшей численности (Беларусь и Россия – 1989 г., Украина – 1993 г.) население Беларуси сократилось на 0,59 млн (6,7 %), России – на 6,5 млн (4,48 %), Украины – на 5,87 млн (11,2 %). Всего потеряно 12,96 млн человек, и это с учетом иммиграционного потока, особенно значительного в России. Авторы не соглашаются с теми демографами, которые

утверждают, что убыль населения не связана с развалом СССР, переходным периодом и проводимыми реформами. В докладе Минздрава России названы следующие причины: а) хронически высокий стресс; б) снижение качества жизни; в) недоступность высокоэффективных средств лечения для большинства населения; г) криминализация общества и рост преступности; д) неудовлетворительное состояние социальной сферы и базовой медицины. Снизилась также продолжительность жизни: в Беларуси – на 2,4 года (с 71,8 в 1989 г. до 69,4 в 2006 г.), в России – на 3 года (с 69,6 до 66,6), в Украине – на 2,8 года (с 70,9 до 68,1). Как известно, этот показатель учитывается при расчете индекса человеческого развития и, следовательно, влияет на рейтинг наших стран. Правда, в последние годы наметились позитивные сдвиги. На основании данных статистики рассматривается и состояние здоровья населения. Особенно удручает заметный рост в эти годы таких «социальных» болезней, как туберкулез и венерические заболевания. Отмечается, что к 2006 г. «переломить ситуацию удалось только в Беларуси, в России и Украине продолжается распространение туберкулеза, в том числе и среди детей до 14 лет». Так, в России заболеваемость сифилисом выросла с 1990 по 1997 г. в 50 раз (с. 31). Но и эти цифры не отражают реальной картины, поскольку по заключению Минздрава РФ «коммерческие структуры и организации, а также частнопрактикующие врачи не заинтересованы (в основном по финансовым соображениям) в полной регистрации и сообщении сведений о числе принятых ими больных» (с. 31).

Отдельная глава посвящена производству и потреблению продуктов питания. Питание – первое и главное условие жизнеобеспечения людей. Вместе с безопасностью оно образует базовый уровень витальных потребностей, без удовлетворения которых невозможен личностный рост как стремление к принадлежности, признанию и самоактуализации. В СССР существовали медицински обоснованные рациональные нормативы питания, по которым суточный рацион балансировался по составу продуктов, калорийности, наличию витаминов и т. д. К сожалению, нормативный подход был зачислен на счет командно-административной системы и отброшен. Тем самым продовольственное обеспечение и даже индивидуальное питание лишились исходных методологических ориентиров. «Уже в 1992 г., – отмечается в работе, – произошло резкое и глубокое ухудшение питания большинства населения» (с. 56).

Впервые в отечественной научной литературе по официальным источникам прослеживается, как изменилось произ-

водство основных продуктов питания в Беларуси, России и Украине (ранее анализировалась ситуация в России: С.Ю. Глазьев, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Братчиков «Белая книга. Экономические реформы в России в 1991–2001 гг.». М., 2003). В целом объемы производства и потребления продовольствия на душу населения заметно снизились. «На середине первого периода реформ (1995 г.) уровень питания в России пересек критическую черту». В Украине произошел «самый глубокий провал (с 70 до 30 кг на душу населения в 2000 г.) в потреблении мяса» (с. 69). В Беларуси к 1993 г. производство растительного масла снизилось в 6 раз, затем оно восстановилось и с 2000 г. резко возросло. «Бросается в глаза тот факт, – подчеркивается в книге, – что в Беларуси удалось продержаться высокий уровень потребления мяса (более 60 кг) в самый тяжелый период 1996–2000 гг.» (с. 71). Сопоставление данных показывает, что в Беларуси выше показатели даже в потреблении рыбы, хотя Россия и Украина как морские державы добывают и морепродукты. Авторы не акцентируют этот момент, но «имеющие смысл» цифры говорят сами за себя. И коль скоро речь идет о полезном друг для друга опыте, то целесообразно выяснить причины наших преимуществ в этой области, тем более, что по природно-климатическим условиям и плодородию почв Беларуси далеко до своих соседей. Одна из причин названа в работе – это чрезмерное социальное расслоение. Так, в 2006 г. в России высшая квинтильная группа (20 %) потребляла на одного члена домашнего хозяйства молока 303 кг в год, низшая – 168, мяса соответственно 87,6 и 43, яиц – 246 и 160 штук, сахара – 38,9 и 23,3 кг, фруктов – 77,7 и 25, овощей и бахчевых – 112 и 57, рыбы – 22 и 11,7 кг. В Украине разница выглядела так: по мясу – 90 и 30, молоку – 379,2 и 171,6, рыбе – 37,2 и 22,8, фруктам – 70,8 и 14,4 кг в год. Это значит, что большая часть ценных продуктов питания потребляется высокодоходной частью населения. К тому же переход на рыночное ценообразование (спрос определяет цену) ведет к тому, что цены на продовольствие и другие необходимые товары/услуги обгоняют инфляцию и растут быстрее, чем цены на автомобили, модную одежду и пр. В результате самими ценами обедневшая часть населения «запирается» в бедности. Так как в Беларуси уровень расслоения в разы ниже, то и его воздействие на продовольственное потребление менее заметно.

Вторая причина связана с аграрной политикой и обеспечением продовольственной безопасности страны. В начале 1990-х гг. ультралибералы твердили: «Датирование сельского хозяйства – это закапывание

денег. Лучше покупать продовольствие за рубежом, а средства направить в те отрасли, которые могут дать экспортную выручку». Беларусь решительно отвергла такие советы и избрала принципиально иной путь – возрождение села, сохранение сельского мира с его культурным и ментальным своеобразием, развитие производства для обеспечения продовольственной безопасности и наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции. Полезен ли этот опыт – решать другим, важно, что он стал общим достоянием.

Это касается не только аграрной политики и производства продовольствия, но и ряда других важных с точки зрения жизнеобеспечения моментов. Рассматривая провал в экономической политике, приведший к резкому снижению покупательной способности населения, случившийся в 1990-е гг. в России и Украине, авторы отмечают: «Беларусь смогла избежать такого спада, и этот опыт должен был бы стать предметом внимательного изучения» (с. 96).

Достоинны уважения добросовестность и скрупулезность авторов, включивших в анализ многие данные, которые редко попадают в поле зрения социологов. Например, тиражи книг, брошюр, журналов и газет; отправления писем, телеграмм, посылок; пассажирооборот всех видов транспорта; посещаемость театров и др. Стоит ли говорить, что все это – важные показатели как социального самочувствия людей, так и общественной жизни в целом. Рассматривая динамические ряды отраслей материального производства, авторы не могли не затронуть болезненную и до сих пор дискуссионную тему приватизации. С их точки зрения, проведение приватизации без денационализации неоправданно и нелегитимированно. Под денационализацией понимается «общественный договор о компенсации прежнему собственнику стоимости изъятых ценностей» (с. 172). В нашем случае средства производства находились «в собственности нации и управлялись государством» (с. 172). В то время этот термин был изъят из обихода и заменен эвфемизмом «разгосударствление». Таким образом, снимался вопрос о выплатах, а новые собственники получили воз-

можность отказаться от инвестиций в основные фонды и даже продавать их «по цене металлолома» с оттоком выручки за рубеж. Справедливости ради надо сказать, что есть и другая позиция по данной проблеме, суть которой в том, что, как полагают ее сторонники, в то время невозможно было дальнейшее движение без создания слоя (класса) частных собственников. Масштабы разгосударствления статистика оценивает двумя показателями: а) долей государственной собственности, перешедшей в частные руки; б) изменением соотношения численности занятых в государственном и частном секторах.

Беларусь, как известно, отказалась от «обвальная приватизации», т. е. от разгосударствления без денационализации. Иными словами, от приватизации без выкупа. Какой из этих подходов эффективнее – в работе нет однозначного вывода. Возможно, они конвергируют, если учесть усилия Беларуси по либерализации экономики и стимулированию частного бизнеса и возможность национализации «безответственных собственников» в России, о чем сказал В.В. Путин. В книге показаны такие издержки приватизации, как «недовложения» инвестиций (по расчетам авторов – 3,5 трлн долл.), уменьшение на 26,33 млн численности работников, сокращение объемов производства. Сегодня очевидно, что идея разгосударствления с переходом к рыночным регуляторам оказалась несостоятельной в отношении науки и техники: «Ни отечественный, ни иностранный капитал не смогли заменить государство как главный источник средств и “главного” заказчика НИОКР» (с. 192).

В заключение отметим, что для социологов данная книга полезна не только с информационной стороны, но и как образец научного анализа статистических данных и их графического представления. Можно только пожелать, чтобы авторы реализовали высказанные намерения дополнить через два года свою работу «данными о прохождении через новый кризис, который сегодня разворачивается на наших глазах» (с. 16). Нет сомнения, что такое дополнение будет поучительным.

С.А. Шавель,
доктор социологических наук